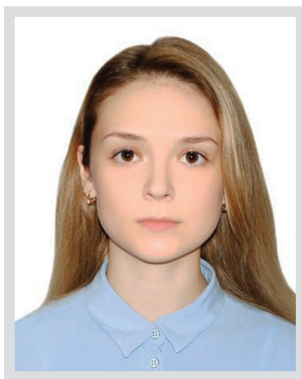

УДК 341

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-201-206

О классификации международно-правовых обязательств в сфере международной охраны окружающей среды

Марталер В.С.

Аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета

В условиях перманентно усиливающихся темпов межгосударственного общения возрастает необходимость понимания характера содержания международно-правовых норм в целях обеспечения их исполнения, а значит, существующего международного правопорядка. На данный момент теория и практика расходятся во мнениях относительно вопроса определения международно-правовых обязательств и оснований для их классификации. Целью данного исследования является выявление и анализ основных подходов к классификации международно-правовых обязательств применительно к сфере международной охраны окружающей среды. Проведенное исследование позволяет выявить специфические черты международно-правовых обязательств в международном экологическом праве, пробелы некоторых теоретических конструкций и возможные пути их устранения. Работа подтверждает значимость теоретической разработки вопросов типологизации международно-правовых обязательств, а также взаимосвязь с институтом международной ответственности. Результаты данного исследования могут быть полезны в исследовательских, образовательных и практических целях.

Ключевые слова: международно-правовое обязательство, индивидуальные и коллективные обязательства, *erga omnes*, *erga omnes partes*, императивная норма, международно-правовая ответственность, международная охрана окружающей среды

Для цитирования: Марталер В.С. О классификации международно-правовых обязательств в сфере международной охраны окружающей среды // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 201–206. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-201-206.

Международно-правовое обязательство представляет собой урегулированное нормой международного права отношение между участниками межгосударственного общения, в силу которого одна из его сторон обязуется либо совершить в пользу другой стороны определенные действия, либо воздержаться от совершения тех или иных действий, а другая сторона имеет право требовать от первой исполнения данной обязанности [1, с. 38].

Можно заметить, что дефиниция международно-правового обязательства во многом совпадает с гражданско-правовым подходом. По всей вероят-

ности, именно поэтому постановка вопроса о классификации международно-правовых обязательств непосредственным образом связана с трудами специального докладчика Комиссии международного права ООН Дж. Фицмориса.

В процессе создания «Венской конвенции о праве международных договоров» 1969 г. Дж. Фицморисом была предложена к рассмотрению типология международно-правовых обязательств, согласно которой все обязательства в международном праве в зависимости от степени взаимности прав и обязанностей сторон международных соглашений можно

разделить на взаимные, взаимозависимые и интегральные (или целостные) обязательства [2, с. 36]. В области охраны окружающей среды можно найти разные примеры международных обязательств каждого типа.

Так, к нормам, содержащим взаимные обязательства государств, можно отнести, в частности: ст. 5 «Соглашения о сотрудничестве в области изучения, разведки и использования минерально-сырьевых ресурсов» 1997 г.; ст. 7 «Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния» 1979 г.; ст.ст. 1 и 3 «Соглашения о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей и природной среды между странами СНГ» 1992 г.

Будучи многосторонними, данные международные соглашения становятся основой для заключения большого количества партикулярных договоров.

Примеры обязательств взаимозависимого типа можно обнаружить в таких международных соглашениях, как: «Рамочная конвенция ООН об изменении климата» 1992 г.; «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой» 1963 г.; «Конвенция о контроле за трансграничным перемещением опасных отходов и их использованием» 1989 г.

Однако существует также точка зрения, согласно которой в международном экологическом праве отсутствуют примеры договоров, содержащих взаимозависимые обязательства, поскольку обязательства по защите окружающей среды не носят синаллагматического характера и способствуют внешнегосударственным интересам [3, с. 1137]. Иначе говоря, государства устанавливают правила охраны окружающей среды и природопользования не потому, что аналогичные правила обязались выполнять другие государства, а в силу специфики охраняемого объекта.

Ввиду незавершенности процесса формирования международного экологического права как самостоятельной отрасли, не так часто можно встретить природоохранные соглашения, содержащие интегральные (целостные) обязательства. Однако такие соглашения существуют. В качестве примеров договоров, устанавливающих самостоятельные правовые природоохранные режимы, можно выделить: «Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» 1977 г.; «Конвенцию Организации Объединенных Наций по морскому праву» 1992 г.; систему договоров об Антарктике, устанавливающую природоохранные принципы охраны окружающей среды Антарктики и связанных с ней экосистем.

Установление объема и характера обязательств в международном праве напрямую связано с таким общесистемным институтом международного права, как ответственность. Именно поэтому идея

взаимности Дж. Фицмориса не только красной нитью прошла сквозь положения «Венской конвенции о праве международных договоров» 1969 г., но также получила свое дальнейшее развитие в ходе разработок Комиссией международного права Проекта статей о международной ответственности государств 2001 г. (далее – Проект статей об ответственности). От характера нарушенного обязательства, в частности, зависит решение проблемы субъектного состава отношений по призыванию к ответственности государства-нарушителя [4, с. 120].

Ст. 42 (а) Проекта статей об ответственности определяет последствия нарушения двусторонних обязательств. В данном случае последствия сходны с теми, что наступают в случае нарушения взаимных обязательств, а именно: призвать к ответственности может лишь государство, находящееся с нарушителем в отношениях двустороннего характера.

Существует мнение, что в международном праве преобладающее большинство занимают двусторонние обязательства [3, с. 1133]. Подкрепление данной позиции можно найти, в частности, в Проекте статей об ответственности 1996 г., согласно положениям которого существует презумпция двустороннего характера обязательств государств [5, с. 272]. Кроме того, двусторонние обязательства могут быть облечены как в форму двусторонних договоров, так и в форму двустороннего обычая и одностороннего обещания, адресованного одному государству [6, с. 4]. Некоторые многосторонние соглашения также могут содержать двусторонние обязательства.

Вместе с тем в сравнении с двусторонними – коллективные обязательства представляют больший интерес для исследования. Главной особенностью таких обязательств выступает их цель – «защита общего интереса, выходящего за рамки любых индивидуальных интересов соответствующих государств» [5]. Традиционно в теории международного права в качестве примера коллективных обязательств приводятся обязательства *erga omnes*. Однако существуют также коллективные обязательства *erga omnes partes* [6, с. 398].

Характеризуя обязательства *erga omnes*, Международный суд ООН в решении по делу «*The Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain)*» подчеркнул их обязательность для всех государств международного сообщества без исключения, а также отметил наличие правового интереса в защите соблюдения данных обязательств у каждого государства [7].

К квалифицирующим признакам обязательств *erga omnes*, по мнению некоторых авторов, относятся, во-первых, их источник, которым является исключительно нормы международного обычного права, а во-вторых, наличие в отношении данных обязательств общего правового интереса у каждого государства [8].

Не можем не согласиться с данной точкой зрения, однако считаем необходимым учитывать и такой важный квалифицирующий признак – источником обязательств *erga omnes* являются не только обычно-правовые нормы, но и императивные нормы общего международного права *jus cogens*. Кроме того, особенность обязательств *erga omnes* заключается не просто в наличии общего правового интереса у каждого государства. Данный правовой интерес состоит в установлении общего публичного порядка для всего международного сообщества, а также в наделении любого государства правом призвать к ответственности нарушителя такого обязательства. Особенно важно сделать акцент на носителе данного правового интереса – «международное сообщество в целом» [3, с. 1137].

В современном международном праве не существует какого-либо перечня обязательств *erga omnes*. Данные обязательства выявляются в практике международных судебных учреждений, в первую очередь Международного суда ООН. Например, в качестве обязательств в отношении международного сообщества в целом были признаны запрет актов агрессии и геноцида, апартеида, рабства и расовой дискриминации; право народов на самоопределение.

Несмотря на отсутствие признания международным сообществом когентного характера международной охраны окружающей среды, Международным судом ООН в деле Габчиково – Надьмарош была признана важность ее охраны по смыслу ст. 64 «Венской конвенции о праве международных договоров» 1969 г. В подтверждение формирующегося обязательства *erga omnes* по охране окружающей среды часть исследователей ссылаются на наличие широкого спектра государственной практики и *opinio juris*, нашедшего свое оформление в таких актах, как «Стокгольмская декларация об окружающей человека среде» 1972 г. В данной декларации провозглашается обязанность всех государств не причинять вреда окружающей среде другого государства или общему достоянию в качестве общего принципа международного права. В дальнейшем это обязательство получило развитие во «Всемирной хартии природы» 1982 г., а также «Декларации Рио-де-Жанейро», «Парижской конвенции» и «Рамочной конвенции ООН об изменении климата» [9].

По мнению А.М. Солнцева, к обязательствам *erga omnes* в сфере охраны окружающей среды в настоящее время можно отнести норму ст. 192 «Конвенции ООН по морскому праву» 1982 г., предусматривающую обязанность государств защищать и сохранять морскую среду, а также запрет ядерных испытаний и предотвращение экоцида [10, с. 40].

Дополнительный вес в пользу когентного характера международной охраны окружающей среды привносит профессор В.А. Василенко. По его мне-

нию, к международным преступлениям относятся нарушения государствами норм, направленных на защиту окружающей среды [11, с. 211].

Однако не все исследователи настроены столь оптимистично. Наоборот, подчеркивается осторожный подход Международного суда ООН в наделении не потерпевших государств судебной правоспособностью [12; 13], а сами природоохранные обязательства зачастую квалифицируются как обязательства *erga omnes partes*, поскольку, в частности, концепция общей обеспокоенности или заботы (*common concern*) не подразумевает строгих правил и конкретных обязательств, а устанавливает лишь единую коллективную готовность государств действовать совместно на пути решения экологических проблем [14].

На наш взгляд, истина находится где-то посередине. Несмотря на наличие отдельных проблем обязательств *erga omnes*, под влиянием потребности обеспечить эффективную реализацию общих интересов международного сообщества в целом в международном праве перманентно зарождается и активно развивается ряд принципов и концепций, предполагающих совместную ответственность государств. Не исключено, что со временем нормы *jus cogens* появятся и в сфере международной охраны окружающей среды. Одновременно стоит помнить слова А.С. Исполинова: «Тенденция видеть императивные нормы везде, где только можно, и игнорировать при этом мнение международного сообщества ставит под угрозу существование самой доктрины *jus cogens*» [15, с. 12].

Переходя к обязательствам *erga omnes partes*, нельзя не отметить, что они, в отличие от обязательств *erga omnes*, имеют исключительно конвенционную природу. Причем стороны при заключении таких конвенций преследуют цель не столько создать взаимные права и обязанности для достижения своих индивидуальных национальных интересов, сколько защитить надгосударственные (*extra-state*) интересы, установить и сохранить общий публичный порядок, позволяющий достичь максимального уровня правовой определенности регулируемых соглашением отношений [3, с. 1135].

При рассмотрении обязательств *erga omnes partes* как нельзя громко звучат отголоски типологии, представленной Дж. Фицморисом. Полагаем возможным говорить, наряду со сходством между взаимными и двусторонними обязательствами, о тождественности по своему характеру и содержанию интегральных (целостных) и коллективных обязательств *erga omnes partes*. Следовательно, считаем допустимым экстраполиацию примеров для обязательств из первой классификации на обязательства в рамках текущей типологии.

В то же время необходимо отметить отсутствие ясности в вопросе соотношения взаимозависимых

обязательств и коллективных обязательств *erga omnes*. Возможно, именно они составляют специфику каждой из представленных выше классификаций.

Для целей установления ответственности государств в международном праве крайне важной представляется типология международно-правовых обязательств, предложенная специальным докладчиком Комиссии международного права Р. Аго при разработке проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния [16].

Р. Аго выделял обязательства поведения и результата. Причем, по его мнению, обязательства поведения являются более строгими в сравнении с обязательствами результата, поскольку последние не предписывают актору конкретное поведение, оставляя государству право выбора средств для исполнения конкретной обязанности [17]. Вместе с тем доктрина международного права и правоприменительная практика выбрали иной путь, перевернув видение Р. Аго. Обязательство результата было признано тождественным обязательству «преуспеть», а обязательство поведения, в свою очередь, обязательству «приложить все возможные усилия» [18]. Зачастую обязательства поведения являются более гибкими, нежели обязательства результата. Установить факт нарушения обязательства результата в большинстве случаев не составляет проблемы для правоприменителя, в то время как обязательства поведения требуют установления целой цепочки фактических и юридических обстоятельств, имеющих принципиальное значение для установления наличия правонарушения.

По всей вероятности, именно благодаря своей гибкости обязательства поведения являются более предпочтительными в такой области международных отношений, как охрана окружающей среды. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в нормативном закреплении вопросов ответственности государств за ущерб окружающей среде.

Профессор В.А. Василенко отмечает парадоксальный характер правового регулирования отношений из причинения экологического ущерба, при котором нормы международного права не дают достаточных оснований для привлечения виновного лица к ответственности даже при наличии фактически причиненного вреда. Иначе говоря, норма международного права носит столь неопределенный характер, что не позволяет установить какое поведение государства является противоправным.

Например, «Конвенция об охране Средиземного моря от загрязнения» 1976 г. содержит обширное обязательство поведения «принятия всех надлежащих мер по предотвращению, ограничению и сокращению» загрязнения. «Конвенция о защите озонового слоя» 1985 г. содержит положения о необходимости государств «принимать надлежащие

меры» для защиты окружающей среды от антропогенного воздействия.

В то же время несколько конкретнее формулируется обязательство поведения в ст. 4 «Парижского климатического соглашения»: «Стороны принимают внутренние меры по предотвращению изменения климата, с тем чтобы достичь целей таких вкладов». Включение в текст нормы словосочетания «достичь целей» позволяет установить связь поведения государства с конкретным результатом, спецификация которого будет устанавливаться дополнительным международным соглашением или внутренним актом государства. То есть данное обязательство носит пограничный характер. С одной стороны, конкретно не определяя поведения и результата, оно, с другой стороны, связывает в единое целое два этих аспекта.

Особо примечательным в данном контексте становится решение Международного суда ООН по спору между Никарагуа и Коста-Рикой относительно нарушения обычно-правового обязательства по предотвращению трансграничного вреда окружающей среде. Суд установил ряд обстоятельств, иллюстрирующих тесную связь между обязательствами поведения и результата. Во-первых, для целей установления нарушения обязательства поведения по предотвращению трансграничного вреда окружающей среде Суд истолковал обязательство по оценке трансграничного воздействия на окружающую среду как компонент первого. Во-вторых, было установлено неисполнение Коста-Рикой обязательства по оценке воздействия. Однако Суд также указал на отсутствие доказанности наличия значительного трансграничного вреда со стороны Никарагуа. И хотя цель обязательства предотвратить трансграничный вред была достигнута (в данном случае недоказанность наличия значительного вреда), Международный суд ООН пришел к выводу о нарушении Коста-Рикой своего обязательства поведения.

Таким образом, мы можем наблюдать, как правоприменительная практика, наполняя обязательства поведения конкретным содержанием, может сделать их более жесткими в сравнении с обязательствами результата.

Контраст в данном случае становится еще ярче на примере выхода Канады из «Киотского протокола» до истечения периода действия обязательств по достижению конкретного результата. В «Киотском протоколе» установлена обязанность государств-участников обеспечивать непревышение количественных показателей совокупных антропогенных выбросов парниковых газов, установленных и рассчитанных для них во исполнение количественных обязательств. Вместе с тем Канада, денонсировав данное соглашение, создала своими действиями прецедент, не позволяющий ни оценить поведение государства как несоблюдение обязательства результата до истечения отчетного периода, ни ретроспек-

тивно применить к ней нормы об ответственности за недостижение установленных количественных показателей.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы относительно классификации международных обязательств, в том числе обязательств в сфере охраны окружающей среды. Безусловно, любые типологии являются продуктом научной деятельности и зачастую создаются для решения утилитарных академических задач. Однако в контексте классификации международных обязательств государствам как непосредственным акторам международных отношений важно понимать, что, возлагая на себя конкретный вид международного обязательства, они выражают согласие на особый порядок его реализации, а также должны учитывать специфические последствия нарушения принятого обязательства. Кроме того, понимание критериев, положенных в основу конкретной классификации международных обязательств, благоприятным образом сказывается на правоприменительной практике, а также толковании норм, особенно в условиях перманентно усиливающейся фрагментации международного права. Следовательно, вид международного обязательства является важным элементом, определяющим его правовой, нормативный характер.

Литература:

1. Международное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Ашавский Б.М. и др.]; под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М.: ОМЕГА-Л, 2008. 831 с.
2. Second report by G. Fitzmaurice, Special Rapporteur: UN Doc. A/CN.4/107 // Yearbook of the International Law Commission, 1957. Vol. II: Documents of the ninth session including the report of the Commission to the General Assembly / United Nations. New York, 1958. P. 16–70.
3. Sicilianos L.-A. The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility // European Journal of International Law. 2002. № 13. P.1127–1145.
4. International Law Commission Report: UN Doc. A/56/10 // Extract from the Yearbook of the International Law Commission, 2001. Vol. II: Official Records of the General Assembly, Fifty-sixth session, Supplement No.10 / United Nations. New York, 2001. 209 p.
5. Draft articles on state responsibility with commentaries thereto / adopted by the International Law Commission on 1st reading / United Nations. New York, 1996. 373 p.
6. Fitzmaurice M., Elias O.A., Elias O. Contemporary Issues in the Law of Treaties. Utrecht: Eleven International Publishing, 2005. 398 p.
7. The Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain) // ICJ Reports. 1970. URL: <https://www.icj-cij.org/case/50> (дата обращения: 01.10.2024).
8. Оралова Е.Д. О классификации международных обязательств в сфере космической деятельности // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2014. № 3 (35). С. 204–211.
9. Alarcon M.J. Consequences of Recognizing Environmental Protection as an Emerging Erga Omnes Obligation in the ISDS Context / Kluwer Arbitration Blog, 2021. URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2021/08/31/consequences-of-recognizing-environmental-protection-as-an-emerging-erga-omnes-obligation-in-the-isds-context/>
10. Солнцев А.М. Обязательство erga omnes в международном экологическом праве // Международное право. Европейское право. 2015. № 5. С. 40–42.
11. Курс международного права. В 7 т. / редкол.: В.Н. Кудрявцев (гл. ред.) и др. Основные институты международного права Т. 3 / [М.М. Аваков, М.М. Богуславский, В.А. Вадапалас и др.]; отв. ред. Н.А. Ушаков. М.: Наука, 1990. 259 с.
12. Chow P.Y. On Obligations Erga Omnes Partes // Georgetown Journal of International Law. 2021. Vol. 52 (36). P. 469–504.
13. Robinson N.A. Environmental Law: Is an Obligation Erga Omnes Emerging? 2018. URL: https://www.iucn.org/sites/dev/files/content/documents/2018/environmental_law_is_an_obligation_erga_omnes_emerging_interamcthradvisoryopinionjune2018.pdf
14. Shelton D. Common Concern of Humanity // Environmental Law and Policy. 2009. Vol. 39 (2). P. 83–96.
15. Исполинов А.С. Нормы jus cogens в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6 (99). С. 12–13.
16. Ежегодник Комиссии Международного Права: Документ ООН: A/CN.4/ SER.A/1977/Add.1 // Ежегодник Комиссии Международного Права. 1977. Т. II. Ч. 1. Нью-Йорк, 1977. 194 с.
17. Seventh report on State responsibility, by Mr. Roberto Ago, Special Rapporteur The internationally wrongful act of the State, source of international responsibility: UN Doc. A/CN.4/307 // Seventh Rep. on State Responsibility. 1978. New York, 1978. P. 30–60.
18. Dupuy P.-M. Reviewing the Difficulties of Codification: On Ago's Classification of Obligations of Means and Obligations of Result in Relation to State Responsibility // European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. P. 371–385.

Classifying International Legal Obligations Under International Environmental Protection

Martaler V.S.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the context of the constantly increasing pace of interstate communication, there is an increasing need to understand the nature of the content of international legal norms in order to ensure their implementation, and therefore the existing international legal order. At the moment, theory and practice disagree on the issue of defining international legal obligations and the grounds for their classification. The purpose of this study is to identify and analyze the main approaches to classifying international legal obligations in relation to international environmental protection. The conducted research makes it possible to identify specific features of international legal obligations in international environmental law, gaps in some theoretical constructions and possible ways to eliminate them. The work confirms the importance of the theoretical development of issues of typologization of international legal obligations, as well as the relationship with the institute of international responsibility. The results of this study can be useful for research, educational and practical purposes.

Keywords: international legal obligation, individual and collective obligations, erga omnes, erga omnes partes, peremptory norm, international legal responsibility, international environmental protection

